

РЭИ ХАРТ

ТЕЛОХРАНИТЕЛЬ

для

ПЫШКИ

18+

Рэй Харт

Телохраниитель для пышки 2

«Автор»

2026

Харт Р.

Телохранитель для пышки 2 / Р. Харт — «Автор», 2026

Варвара Ветрова, жена олигарха, наконец узнала правду: её брак был сделкой, муж заказал покушение, а первая любовь не погибла десять лет назад.

Максим Снегирёв — её телохранитель и её прошлое — снова рядом. Но радость встречи омрачена новым ударом. Михаил Ветров в бегах, отец Вари скрывается за границей, а единственная опора — подруга Ленка — бесследно исчезает. Варя отправляется на её поиски одна, без охраны, с одним лишь адресом и следователем Кравцовым, который верит ей, но бессилён против денег мужа. Зброшенный завод, темнота, грубая сила и лицо, которого Варя меньше всего ожидала увидеть. Чтобы выжить, ей придётся забыть о доверии и вспомнить, что она — женщина, которую не сломить. Но готова ли она заплатить за свободу жизнью того, кто закрыл её своим телом? Захватывающее продолжение романа «Телохранитель для пышки» — больше экшена, больше страсти и предательство там, где его совсем не ждали.

© Харт Р., 2026

© Автор, 2026

Рэй Харт

Телохранитель для пышки 2

Глава 1. Сейф, который хранит секреты

Я просыпаюсь от того, что рядом никого нет.

Он ушёл до рассвета, потому что так надо. Максим не тот мужчина, который будет сидеть у моей постели, когда на кону — моя жизнь. Он тот, кто выйдет за дверь с пистолетом и вернётся победителем.

Я не жду его звонка. Мы не договаривались об этом вслух, но правило простое: он работает, я тоже пытаюсь работать. Любовь не требует отчётов каждые полчаса.

Ленка ещё спит. В её квартире привычно пахнет вчерашним кофе, её сигаретами и сухими цветами на подоконнике. На мне его футболка — мятая, серая, с вытянутым воротом. Я не стирала её специально. Запах мяты и мужской кожи уже выветрился, но ощущение его присутствия осталось.

Я встала в шесть. Противно моросит дождь. Москва за окном серая, мокрая, равнодушная — какой она и должна быть в шесть утра. Я варю кофе. Пью чёрный, без сахара. Смотрю на телефон, лежащий на столе.

Максим оставил его, сказал только: «Если что — я позвоню. Никуда не выходи одна. Лучше пока сиди в квартире». Способ связи, который нельзя прослушать. Ни моему отцу, ни тому, кто заказал обстрел моего дома.

Чёрный телефон молчит.

Я не смотрю на него каждую минуту. Я работаю.

Делаю первый звонок моему адвокату.

Алексей Владимирович — мужчина с сухим голосом, который не терпит возражений. Я была у него три месяца назад. Тогда я пришла с вопросами. Сейчас — с требованиями.

— Варвара Сергеевна, — он берёт трубку после второго гудка, естественно, помнит меня. — Я слышал о произошедшем.

— Тогда вы знаете, почему я звоню. — Я отставляю кружку, смотрю в окно. — Мне нужен немедленный развод с Ветровым. Без раздела имущества в его пользу.

Пауза. Профессиональная. Он не интересуется «почему?» — такие люди не задают лишних вопросов. Он спрашивает:

— Документы?

— Часть у меня. Часть вы найдёте сами. — Я открываю ноутбук, смотрю на выписки, которые копировала тайно, пока Михаил был в офисе. — Но сначала я хочу знать, где мой отец.

— Сергей Соболев?

— Да. Последние полгода он жил в Италии. С молодой женой. Мне нужна связь: финансовый след между ним и Михаилом. Транзакции, контракты. Всё.

Он молчит. Я знаю эту паузу — он оценивает бюджет предстоящей работы.

— Такая информация стоит больших денег.

— У меня есть деньги. — Я почти улыбаюсь. Михаил не скупился на мои личные расходы. — Я переведу аванс до обеда.

— Через два дня у вас будут все ответы.

— Через день.

— Варвара Сергеевна...

— Алексей Владимирович, — перебиваю я спокойно, — я плачу вам не за осторожность. Я плачу за скорость. Мой муж пытался меня убить. Он сейчас в бегах. У меня есть максимум неделя, чтобы опередить его новое нападение.

Сначала молчание. Потом:

— Хорошо. Через день.

Я сбрасываю.

Ленка появляется в дверях — растрёпанная, в халате с глубокими карманами, шурится на свет из окна.

— Ты чего так рано встала?

— Дела.

— Какие дела? — Она трёт глаза, плетётся к кофемашине, щёлкает кнопками. — Твой дом разнесли, муж в бегах, твой терминатор ушёл на его поиски...

— Именно поэтому. — Я поворачиваюсь к ней. — Всё, что я могла делегировать другим, я делегировала. Теперь делаю то, что никто не сделает за меня.

Она смотрит на меня — долго, прищурившись. Потом ставит кружку на стол, садится напротив.

— Ты такая страшная, Варь. Я тебя начинаю бояться.

— Спокойная я.

— Нет. — Она качает головой. Непослушная прядь её волос падает на лоб. — Спокойные — это те, кому плевать. А ты... Ты как перед прыжком с тарзанки. Такая же возбуждённая. Это очень опасно...

Я не спорю. Открываю ноутбук, поворачиваю экраном к ней.

— Посмотри.

На экране она видит таблицу. Транзакции. Три. Все подряд. Все — с пометкой «консультационные услуги». Суммы — шестьсот тысяч, миллион двести, восемьсот. Долларов. Отправитель — компании Михаила. Получатель — фирмы, за которыми стоит мой отец.

Ленка сначала думает. Потом тихо говорит:

— Ты думаешь, он продал тебя?

— Продал. — Мой голос ровный, я тренировала его два года перед зеркалом. — Сначала — за брак. Потом — чтобы я не рожала ребёнка. Потом...

Я замолкаю. Не могу сказать это вслух. Последняя транзакция — за две недели до обстрела.

Отец всё знал. Он получил деньги за то, что закрыл глаза на убийство дочери.

Ленка берёт мою руку. Пальцы у неё горячие, такие знакомые и родные.

— Ты поедешь к нему?

— Да. Но потом. Он в Италии. — Я встаю, подхожу к окну. За стеклом по-прежнему идёт мелкий дождь, мокрые крыши, серая бесконечность. — Но у него есть старая дача. Ещё мамина. Там есть сейф.

Ленка понимает мгновенно.

— Ты хочешь туда поехать?

— Я хочу найти доказательства. — Я поворачиваюсь. — Чтобы больше никогда не сомневаться, чья я дочь.

Ленка выдыхает. Тянется за сигаретами.

— Едем вместе. Но я беру термос. И много кофе. Ты за рулём, Варь.

Дача отца в сорока километрах от Москвы.

Старая, барская, постройка из девяностых. Место, где я провела каждое лето с двенадцати до семнадцати. Где Максим впервые поцеловал меня на чердаке, пахнущем сеном и пылью. Где мы клялись друг другу в вечной любви, не зная, что это превратится в десять лет лжи.

Сейчас там окна заколочены. Трава по пояс. Калитка заржавела, открывается с протяжным скрипом.

— Жуткое место, — бормочет Ленка, кутаясь в свитер и оглядываясь по сторонам.

— Это место было моим домом несколько лет, — отвечаю я. — Теперь просто заброшенная развалина.

Ключ всё ещё подходит. Замки так никто и не менял. Дверь открывается с трудом — дерево разбухло от сырости.

Внутри — противный холод, пыль, запах мышей и забвения. Мебель в чехлах. На кухне пустой открытый холодильник, на столе газета двухлетней давности. Отец не приезжал сюда с тех пор, как ушёл к новой жене. Дача осталась маминой, но он не отдал её, не продал — просто бросил. Как и свою семью.

Ленка остаётся внизу. Следит, чтобы никто чужой не застал нас врасплох. Я слышу как она звонит мужу, этот развод даётся ей очень тяжело, впрочем как и мой развод доставляет мне кучу неприятностей.

Я поднимаюсь на второй этаж.

Кабинет отца.

Знакомая дверь, которую я боялась открывать в детстве. Оттуда всегда пахло табаком и строгостью. Отец работал по ночам, и если я случайно заходила — он молча выпроваживал меня, не повышая голоса, но и без родительского тепла.

Сейчас дверь не заперта.

Сейф — в стене, за картиной. Голландский пейзаж, который я ненавидела больше других картин в доме. Коровы, мельницы, бесконечное серое небо. Я отодвигаю холст. Набираю код. 19121979.

День рождения мамы. Я подглядела комбинацию совершенно случайно много лет назад. Отец не менял его никогда. Слишком ленив для новых цифр. Или слишком сентиментален, я точно не знаю. И не хочу больше этого знать.

Замок щёлкает.

Внутри много денег. Пачки. Евро, доллары, перетянутые резинками. Документы в пластиковых файлах. И два конверта.

На одном — моё имя. Почерк отца: «Варваре». Ровный, почти каллиграфический. Таким он писал поздравительные открытки, когда я была ещё ребёнком.

На втором — «Снегирёв».

Моё сердце нервно забило, когда я прочитала фамилию Максима.

Вскрываю первый конверт, адресованный мне.

Там письмо.

Датировано — восемь лет назад.

«Варенька, прости меня. Он приезжал. Твой Максим. Я сказал ему, что ты не хочешь его видеть. Я показал ему поддельные документы о помолвке. Я делал это не со зла. Я всегда знал, что будет лучше для тебя. Если когда-нибудь ты прочтёшь это — знай: я любил тебя. Но, может быть, не так, как надо. Прости.»

Я читаю письмо дважды. Голос отца звучит в голове — спокойный, весомый, тот самый, которым он говорил «дочка, я решу все вопросы».

Он решил. Вопрос моей жизни.

Я нервно складываю письмо, убираю в карман.

Второй конверт. «Снегирёв».

Внутри фотографии. Максим — молодой, в военной форме. С короткими волосами, с той самой улыбкой, которую я помню. И пачки писем — уже распечатанных.

Это письма Максима, написанные мне. Но я их получила слишком поздно.

Он писал. Про то, что жив. Про то, что любит. Про то, что обязательно ко мне вернётся.

Шесть писем. Шесть попыток достучаться до меня. Отец перехватил их все.

Я беру одно — наугад. Потом обязательно перечитаю их все.

«Варя, я жив. Не верь слухам, если скажут, что я умер. Мы шли через горную реку, внезапно начался обстрел, а внизу камни. Я сломал три ребра и руку, но я выжил. Врачи сказали, что это чудо. А я точно знаю, что это ты мне помогла. Ты меня держала своей рукой, Варя. Жди меня, маленькая. Я вернусь за тобой. Никто не сможет нас разлучить. Ни война, ни смерть. Я люблю тебя. Ты только дождись.»

Я сжимаю бумагу, пальцы сильно дрожат. Потом аккуратно, очень аккуратно, как самую дорогую вещь в моей жизни, складываю все письма в свою сумку.

Я не предавала его. Боги свидетели, что это так!

Нас разлучили. Мой отец считал, что имеет право решать за меня. Он выбрал деньги и бизнес вместо счастья собственной дочери.

Я стою посреди отцовского кабинета. На пыльном паркете. Под голландским пейзажем, который я ещё больше ненавижу, всем сердцем. Внутри растёт не боль, а неподдельная ярость. Абсолютная, холодная, как вода в Баренцевом море.

Ленка внизу не зовёт меня. Я слышу её шаги — то приближаются, то удаляются. Она ждёт.

Я делаю глубокий вдох.

Выбираю, кем мне сейчас быть.

Жертвой? Нет.

Женщиной, которая два года провела в золотой клетке, а теперь вышла на свободу с ключами от всех замков.

Я решительно выхожу из кабинета, с желанием больше туда никогда не возвращаться. Ленка стоит на лестнице, курит.

— Что там? — любопытно спрашивает она.

— Вся правда моей жизни, — отвечаю я загадками. Я потом ей всё объясню, когда немного успокою свою ярость.

— И что ты будешь делать?

— Сначала выпьем твой кофе. — Я смотрю на чёрный телефон — он по-прежнему молчит. — Потом буду ждать.

— Максима?

— Он не просто Максим. — Мы наконец вышли, я с силой захлопнула дверь дачи. — Он — мой Снегирь. И он обещал ко мне вернуться.

Глава 2. Серый седан

От Максима нет новостей.

Я не придавала этому значения ровно два дня — он предупреждал, что может не выходить на связь сутки, может двое. «Если я не звоню — значит, работаю», — сказал он тогда, прижимая меня к себе с такой силой, будто прощался надолго.

Я кивнула. Я ведь умею ждать.

Но на третье утро тишина из чёрного телефона стала невыносимой.

Я не звоню. И тем более не пишу ему. У нас уговор: он выходит на связь сам. Если я начну дёргать его — значит, не доверяю.

Я сижу на подоконнике, жду, когда приготовится курица в духовке, и прокручиваю в голове всё, что узнала на даче.

Письма. Фотографии. Отец. Михаил. Деньги. Моя жизнь, проданная по частям.

Адвокат мне перезвонил вчера вечером. «След по вашему отцу ведёт на Сицилию, Варвара Сергеевна. Но без официального запроса от полиции мы не можем...»

— Значит, сделаем запрос, — сказала я.

— Для этого нужно заявление.

— Я всё напишу.

И я действительно написала. Без лишней драмы, без соплей. Только сухие факты, даты, суммы, имена. Каждая буква — как удар скальпелем. Я отрезаю своё прошлое. Документ за документом.

Теперь этот лист лежит передо мной на столе. Заявление о покушении на убийство. С приложенными выписками.

Надеваю джинсы. Свитер крупной вязки. Кеды. Волосы под кепку. Тёмные очки — не от солнца, его и так нет.

Ленка уехала по важным делам, она находится в стадии сложного развода, как, в принципе, и я. Она строго запретила мне высовываться из квартиры.

Я выхожу одна.

Первый раз за долгое время — без охраны, без Максима, без подруги. Просто женщина в кепке и тёмных очках, которая идёт по мокрому асфальту.

Пальцы сжаты в кулак в кармане. В сумке — заявление и копии документов, которые могут стоить мне жизни, если попадут не в те руки.

Ленкина квартира находится в самом центре. До отдела Кравцова — двадцать минут пешком. Я намеренно не беру такси. Ходьба даёт мне возможность ещё раз всё хорошо обдумать. Нужно чётко и ясно донести до следователя мои мысли и необходимые факты.

Я замечаю серый седан.

Тонировка в ноль. Был припаркован у Ленкиного подъезда, когда я выходила. Я заметила его сразу — но отвернулась, сделала вид, что поправляю очки.

Он тронулся, когда я свернула за угол.

Я не ускоряю шаг. Не оглядываюсь. Паника сейчас — лучший способ дать им понять, что я их заметила. А я не хочу, чтобы они знали.

Я просто иду. Ровно. Спокойно. Считаю шаги — сто три, сто четыре, сто пять. Сердце бешено колотится, но дыхание ровное. Два года брака с Михаилом научили меня важному качеству: внешность никогда не должна выдавать того, что внутри.

У входа в отдел полиции я останавливаюсь, делаю вид, что смотрю в телефон. Боковым зрением осматриваю улицу.

Серый седан не подъехал. Возможно, отстал. Возможно, просто ждёт с другой стороны.

Я захожу внутрь.

Кравцов в своём кабинете.

Тот же мятый рукав форменной рубашки. Та же лампа под потолком, которая гудит, как большая муха. Я запоминаю таких людей — у них нет парадных лиц, они не играют на камеру. Они просто работают.

— Варвара Сергеевна, — он поднимает голову от бумаг. Очки съехали на кончик носа. — Проходите. Садитесь.

Сажусь на тот же стул, с которого три дня назад упала в обморок. Память тела — странная вещь. Я помню каждую секунду того дня. Как он назвал фамилию Максима. Как стакан выпал из рук. Как пол летел навстречу моему телу.

Сейчас я держу себя спокойнее.

— Я принесла новые документы, — говорю без приветствий. Кладу на стол папку. — Заявление о покушении на мою жизнь. С приложениями. Транзакции между компаниями моего мужа и моего отца. Письма, подтверждающие, что мой отец скрывал от меня факт существования человека, который сейчас является ключевым свидетелем моего дела.

Кравцов, как всегда, не торопится с выводами. Открывает папку. Листает.

Я смотрю на его руки — крупные, с чистыми ногтями. Он не курит. Такие люди обычно не бывают продажными. Но всё случается.

— Варвара Сергеевна, — он поднимает глаза. Взгляд тяжёлый, усталый. — Всё, что вы принесли — косвенные доказательства. Транзакции можно объяснить. Письма — ваша частная переписка, не заверенная нотариально. Для возбуждения уголовного дела по статье «покушение на убийство» нужны прямые улики. Свидетели. Или...

— Или мой труп, — заканчиваю я за него.

Он молчит.

Тишина в кабинете становится плотной, как кисель. Я слышу, как где-то за стеной разговаривают двое — неразборчиво, но мирно.

— Александр Сергеевич, — я наклоняюсь вперёд, смотрю прямо в глаза. Я запомнила его отчество. Маленькая победа. Не как богатой женщины, а как простого человека. — Вы хороший следователь. Я это поняла в первый день. Вы не стали меня мучить вопросами. Не пытались выставить истеричкой. Вы просто делали свою работу.

Он не отводит взгляд. Это хороший знак.

— Я не прошу вас нарушать закон, — продолжаю я. — Я прошу понять: времени у меня нет. Муж в бегах. Отец за границей. Человек, который меня защищал, сейчас уехал, и я совсем одна. Если я не опережу своего мужа, то следующие новости, которые вы получите, будут о моём убийстве. Давайте не будем заходить так далеко.

Кравцов медленно снимает очки. Протирает стёкла — тем же жестом, что и Михаил. Но у Михаила это была нервозность. У Кравцова — рабочий ритуал. Разница между корыстью и привычкой.

— Что вы хотите от меня, Варвара Сергеевна?

— Хочу, чтобы вы поверили мне сейчас. И действовали, когда у вас будут доказательства. Не ждите, пока они меня убьют.

— Я не могу возбудить дело без оснований.

— Я не прошу возбуждать. — Я выпрямляюсь, поправляю кепку. — Я прошу не закрывать глаза и ни в коем случае не сливать информацию моему мужу.

Он усмехается — одними губами, глаза по-прежнему серьёзные.

— Вы думаете, он мне звонил?

— Я думаю, он звонит всем. — Я встаю. — Спасибо, что уделили мне время. Документы остаются у вас.

— Варвара Сергеевна. — Он тоже встаёт. — Будьте осторожны. Если то, что вы говорите, действительно правда, за вами могут следить.

Я смотрю на него. Решаю — сказать или нет.

— Я знаю, — отвечаю просто. — Видела серый седан у подъезда, когда выходила. И у входа в участок, кажется, тоже. За мной уже следят.

Кравцов быстро смотрит на окно. Потом переводит взгляд на меня.

— Вы приехали одна?

— Да.

— Вам нужна охрана.

— Мой телохранитель пропал.

Тогда он подходит к своему столу, достаёт из ящика визитку.

— Здесь номер моего личного телефона. В случае чего — звоните. Не в дежурную часть. Мне.

Я беру визитку. Бумага серая, плотная, без логотипов. Только имя, фамилия и номер.

— Спасибо.

— Пока не за что. — Он надевает очки.

Выхожу из кабинета. Коридор — длинный, с голубыми стенами, отдалённо пахнет хлоркой и казённой тоской.

Толкаю дверь. Улица встречает холодным ветром и серым небом.

Я стою на крыльце. Медленно, как будто проверяю погоду, осматриваю парковку.

Слева — припаркованные машины сотрудников. Справа — дорога, деревья, мусорка. Напротив — жилой дом с облупившейся краской.

Взгляд цепляется за знакомую тонировку и машину без номеров.

Тот же седан. Стоит метрах в пятидесяти, двигатель заглушён. Две фигуры впереди — лиц не разглядеть.

На лбу появляется испарина от волнения. Но я не вздрагиваю.

Я просто иду.

Вниз по ступеням. Спокойно. Руки в карманах, кепка надвинута на глаза. Я не смотрю в сторону седана.

Расправляю плечи. Дыхание ровное. Я не жертва. Я воин. Сворачиваю за угол. И только тогда, когда меня закрывает стена дома, прислоняюсь к холодному кирпичу и выдыхаю.

Воздух выходит со свистом.

Я сделала всё, что могла сегодня. Документы у Кравцова. Его визитка в моём кармане. Ни одного лишнего движения.

Я сжимаю в руках чёрный телефон.

Максим не звонил. Не писал. Экран смотрит на меня безразлично, как глаз мёртвого зверя.

— Где ты, мой Снегирь? — шепчу я одними губами. Закрываю глаза на секунду. Представляю его лицо. Его сильные руки. Порез на шее. Глаза, которые стали тёмными, когда он смотрел на меня в полумраке Ленкиной кухни. Наши поцелуи.

Он не мог исчезнуть просто так. Не сейчас, когда мы наконец обрели друг друга. Наверняка случилось что-то серьёзное.

Открываю глаза. Я не плачу. Это просто ветер. Но если Максим совсем не вернётся — всё это, больше не будет не иметь значения.

Я сворачиваю в подземный переход.

Свет ламп еле освещает мокрые ступени. Вдалеке играет уличный музыкант, старую песню, которую я не узнаю.

Люди проходят мимо. Никто не смотрит на женщину в кепке и тёмных очках.

Я одна.

И впервые — совсем без защиты.

Глава 3. Неудачное похищение

Подъезд Ленкиной высотки уже рядом. Я вижу знакомую серую панель, пышную клумбу у входа, мусорный бак, который вечно не закрывается.

Я почти дома. Почти в безопасности.

И в этот момент меня хватают.

Сначала я не понимаю, что происходит. Просто кто-то огромный, сильный и профессионально точный — зажимает мне рот ладонью. Его куртка пахнет резиной и табаком. Вторая рука обхватывает талию, отрывает от земли.

Я пытаюсь крикнуть — получается только глухое мычание в его ладонь. Я кусаю её изо всех сил, он вскрикивает и тут же ударяет меня по лицу. Больно, останется синяк.

Ноги не находят опоры. Меня волокут назад, к дороге. Я слышу две пары ботинок, чёткий ритм, без суеты, работают слаженно. Как назло, рядом нет ни одного человека.

Волокут в серый седан — тот самый, что следил за мной.

Дверь открывается раньше, чем я успеваю сообразить и ещё раз попытаться крикнуть. Меня заталкивают на заднее сиденье — грубо, не церемонясь. Голова ударяется о дверной проём, перед глазами плывут звёзды.

— Лежи смирно, — голос низкий, совершенно без эмоций. Как если бы продавец на кассе просто спросил, нужен ли мне пакет.

Колено вдавливают меня в сиденье, пока второй связывает запястья. Пластиковые стяжки. Я чувствую, как они впиваются в кожу.

— Ноги тоже свяжу. Она брыкается.

— Давай быстрее.

Щёлкают ещё две стяжки — на лодыжках. Я яростно дёргаюсь, усложняя им миссию.

Потом мне на голову натягивают мешок. Ткань плотная, пахнет пылью и чужой стиркой. Темнота становится абсолютной.

И в бок — удар.

Сильный. Наотмашь. Я сгибаюсь, выдыхаю со свистом, скулю сквозь ткань. Боль горячая, растекается по груди.

Ничего не сломано, кажется. Мои жировые запасы, над которыми усмеялся муж, сейчас, возможно, спасли меня от перелома ребра.

Я усмехаюсь — горько, с отчаянием. И утыкаюсь лицом в пол машины.

Двигатель взревел. Седан резко срывается с места, и меня отбрасывает в сторону.

Я ничего не вижу сквозь чёрный мешок. Не могу громко кричать — ткань мешает. Работает только слух и осязание.

Внутри мне очень страшно, и я здорово злюсь — и на них, и на себя за свою бестолковую неосторожность. В голове крутятся вопросы.

Почему меня не застрелили на улице? Было бы проще. Один выстрел — и всё. Вместо этого — похищение, машина, мешок. Зачем?

Не убьют, поняла я вдруг. Если хотели убить — убили бы сразу. Значит, им что-то от меня нужно. Выкуп? Информация? Или просто хотят увезти подальше, чтобы никто не нашёл.

Мы едем минут двадцать, не меньше.

Я хочу о многом спросить. Мычу сквозь ткань — яростно, глухо, бессмысленно.

Никто не отвечает.

— За нами хвост, — говорит один из похитителей. Спокойно так, будто сообщает второму о погоде на завтра.

Машина резко ускоряется. Меня бросает вперёд — головой о спинку.

— Чёрный «Форд». От самого центра тащится, — отвечает второй.

— Отрываемся.

И началось.

С визгом шин седан ныряет в поворот. Меня мотает по сиденью — плечом о дверь, затылком об стекло. Удар, второй, третий.

Лёжа на боку, я пытаюсь сгруппироваться, поджать колени к животу. Но связанные ноги не слушаются.

Машина петляет. Смена полосы, резкое торможение, снова разгон.

— Не отстаёт, сука.

Я ударяюсь головой о стекло в четвёртый раз. В ушах звенит.

Решаю просто лечь на пол. Не сопротивляться. Не пытаться встать. Пусть делают что хотят. Я ничего не могу изменить.

Секунды тянутся как минуты.

Вдруг — удар.

Сзади. Сильный. Меня подбрасывает вверх, и я снова падаю, ударяясь локтями, плечами, рёбрами — всё тело болит.

— Настоячивый сукин сын! — рявкает один из бандитов.

Моё сердце бьётся как пичужка. Колотится так, что я боюсь — выскочит.

Следующий удар — уже сбоку. Машину заносит, визг покрышек, запах палёной резины. Меня швыряет вперёд — я упираюсь в передние сиденья лбом, потом грудью, потом всем телом.

Хлопок. Громкий, как выстрел.

Подушки безопасности сработали на переднем сиденье. Я слышу шипение, мат, тяжёлое дыхание моих похитителей.

Потом — удар. Короткий, резкий. Машина во что-то врежется. Меня выбрасывает вперёд по инерции, потом назад, о спинку.

Звон в ушах. Наступила полная тишина, всего на секунду. Потом — звуки.

Скрежет металла. Шаги по асфальту. Чей-то крик.

Я не могу пошевелиться. Лежу скрюченная на полу, с мешком на голове, со связанными руками и ногами, и слышу только хруст гравия под чужими ногами. Я обессиленно мычу сквозь ткань.

Дверь со стороны водителя открывается. Тяжёлый удар. Вскрик.

Ещё удар. Кто-то падает на землю.

— Варя, ты жива? — Голос. Низкий, с хрипотцой. Его голос.

Максим.

Я дёргаюсь, мычу в ткань — громко, отчаянно, не в силах сдержаться.

«Я жива! Я здесь!»

Вторая дверь — моя. Ручка дёргается. Не открывается.

Удар ногой по двери — с такой силой, что металл вибрирует и машина качается. Ещё удар. Дверь поддаётся, скрипит, открывается.

Сильные руки хватают меня за плечи, вытаскивают наружу. Не грубо, но достаточно быстро. Мешок сдёргивают — свет бьёт по глазам, я шурюсь, ничего не вижу сначала.

Потом вижу его.

Действительно Максим. Мне не показалось. Мой вечный спаситель!

Стоит рядом на коленях, тяжело дышит. Его лицо — не в лучшем состоянии. Разбитая губа, свежий синяк на скуле, рассечена бровь — кровь течёт по виску.

Но глаза — живые, любимые, но до чёртиков злые.

Слава Богу! Он жив!

Я хочу броситься к нему. Дёргаюсь, но руки связаны за спиной, ноги тоже. Я просто падаю вперёд, утыкаюсь лицом ему в грудь.

Он не обнимает в ответ. Не развязывает.

Отстраняет — холодно, без нежности. Берёт за локоть, удерживает на весу.

— Я говорил тебе не оставаться одной, — голос глухой, рваный. Он не кричит. Но тон такой, что крика не нужно. — Я говорил сидеть и не выходить из квартиры. Говорил, Варя?

Я молчу. Потому что сказать нечего. Он прав. Я виновата.

— Я говорил? — повторяет жёстче.

— Да, — шепчу я.

И тут меня начинает трясти. Ноги подкашиваются, я сползаю вниз, к земле. Он поддерживает — за руку, сухо, механически. Не прижимает к себе совсем.

Три дня. Мы не виделись три дня. А теперь он кричит на меня.

Нет, не кричит. Говорит сквозь зубы. Что намного хуже.

Я понимаю, почему он злится. Потому что боится. Потому что любит меня, дурочку. Потому что я только что чуть не погибла у него на глазах.

Но понимание не делает мою больную обиду меньше.

Вдруг он хватается меня за плечи — обеими руками — и притягивает к себе. Сильно. Резко. Почти грубо. Так хватают последний спасательный круг, когда корабль идёт ко дну.

— Ты представляешь, как я испугался? — теперь он почти кричит. Мне в макушку, в волосы, в самую душу. — Если бы я не успел — не знаю, что они сделали бы с тобой.

Он обнимает так, что хрустят мои кости. Я чувствую, как колотится его сердце — часто, сбивчиво. Не как у человека, который контролирует ситуацию. Как у человека, который только что пережил самый страшный момент в своей жизни.

Моё лицо мокрое.

Я не понимаю, почему. Я же сильная. Я же не плачу. Никогда не плачу.

Но по щекам текут слёзы — горячие, солёные, такие бесполезные.

Я утыкаюсь носом в его шею, вдыхаю запах — металл, порох, кровь, и под всем этим — мята. Его запах.

— Ты где был три дня? — шепчу я между всхлипами. — Я так волновалась.

Он не отвечает. Только гладит меня по волосам — один раз. И снова становится жёстким и серьёзным.

— Тебя нельзя оставить ни на день, — бормочет он, ворчит, но я вижу — его глаза больше не злые. Усталые. С облегчением. — Всё время с тобой что-то приключается.

Я почти улыбаюсь сквозь слёзы. И начинаю икать.

Он развязывает мои руки, потом ноги. Пластиковые стяжки падают на асфальт. Я сразу бросаюсь к нему на шею — обхватываю, прижимаюсь всем телом.

Он стонет. Схватывается за рёбра.

— Прости! — отшатываюсь я. — Ты ранен? И-к-к.

— Всё потом. — Он уже смотрит в сторону. В кювете лежат двое — те, кто меня похитил. Не двигаются. Без сознания. — Сейчас нужно заняться ними.

Я вытираю лицо рукавом. Киваю, но всё ещё икаю от страха и радости одновременно.

— У меня есть номер Кравцова. — Достаяю из кармана телефон, он чудом не разбился. — Сразу ему звоним. Пусть выезжает.

Максим кивает. Связывает бандитов — крепко, профессионально. Обыскивает их — достаёт оружие, телефоны, какие-то документы. Всё это складывает в сторону.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.